

УДК 304.2

Гендерные социокультурные модели старения в современной России

Овсянникова Наталья Валериевна

Кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры «Социально-культурная деятельность»
Поволжского государственного университета сервиса,
445017, Российская Федерация, Тольятти, ул. Гагарина, 4;
e-mail: tata_os00@mail.ru

Аннотация

В статье анализируются представления о старении, рассматриваются его гендерные модели и социокультурные факторы риска пожилых в России XXI столетия. Проблема старости является актуальной не только для людей пожилого возраста, но и для всего общества, стремящегося согласовать естественные процессы старения населения с экономическими и социальными задачами в условиях демографического кризиса. Цель работы состоит в анализе явления социокультурного исключения человека в процессе старения. В работе применен культурологический подход, выявляющий факты культуры в виде норм (правил) или прецедентов. Опираясь на ряд промежуточных выводов, в конце работы автор резюмирует, что достойная старость является главным достижением цивилизации. Ее можно охарактеризовать как комплексное и разноплановое состояние людей. Пожилой возраст не является препятствием для сохранения и развития личности, ее духовного и физического здоровья. Современный уровень социокультурного развития российского общества уже предполагает, а в некоторых сферах требует участия людей старшего поколения. Однако чаще всего пожилые люди опасаются не процесса самого старения, а связанных с ним возрастных стереотипов, бытующих в обществе и ограничивающих возможности старшего поколения. Поэтому, для того чтобы убрать из жизни явления социокультурного исключения пожилых людей и уменьшить для них риски, необходимо новое, позитивное прочтение обычаев и традиций отношения к старости с учетом неминуемого перехода к постиндустриальному обществу.

Для цитирования в научных исследованиях

Овсянникова Н.В. Гендерные социокультурные модели старения в современной России // Культура и цивилизация. 2016. № 4. 74-84.

Ключевые слова

Старость, модели старения, стереотипы, социокультурное исключение, социокультурный капитал, социокультурный потенциал, жизненная активность, свобода выбора.

Введение

Старость чаще других возрастов окрашивается негативными переживаниями. При этом система представлений о старении пронизывает все сферы социокультурных взаимодействий, профессиональных и личных контактов. В процессе историко-культурной практики они становятся стереотипными и получают статус традиции, что усиливает страх старения у всего общества. Осознание своего возраста оправдывает психотелесные изменения человека, фиксируя их в физическом времени, порождая индивидуальные и коллективные социокультурные нормы и переживания по их поводу. В условиях неуклонного постарения российского общества актуальность проблем, связанных с социокультурным феноменом старости, будет только возрастать. Поэтому целью работы стало изучение явления социокультурного исключения человека в процессе старения. Для решения поставленной цели и вытекающих из нее задач используется культурологический подход, выявляющий факты культуры в виде норм (правил) или прецедентов. Научная новизна и теоретическая значимость исследования заключается в том, что феномен старости рассматривается с точки зрения его культурных смыслов, которые оказывают существенное влияние на процесс развития личности, независимо от пола, достигнутого социального статуса и возраста. Вопрос о том, когда наступает старость, является актуальным не только для людей пожилого возраста, но и для всего общества, стремящегося согласовать естественные процессы старения населения с экономическими и социальными проблемами. Поэтому важно выяснить, насколько россияне поддерживают социокультурный стереотип старения, как они оценивают свое будущее в качестве этой категории населения. Исследование направлено на доказательство тезиса, что старшее поколение в России опасается не возрастных рисков, а социокультурного исключения.

Формирование модели старения: гендерный аспект

Личное восприятие процессов старения, в немалой степени, зависит от доминирующих в обществе моделей старости. Физиологическое старение организма замечается человеком примерно с 40 лет. Однако в большинстве своем, люди начинают считать себя старыми в возрасте около 59 лет. Поэтому процесс формирования индивидуальной модели старения проходит постепенно и с активным привлечением имеющихся культурных сценариев.

Существующие женская и мужская модели старения напрямую влияют на все стороны жизни пожилого населения страны. Экономическое состояние страны стимулирует в России процессы «феминизации старого возраста». Фактически это «женская феминизация бедности», так как женщины всегда были более чувствительны к экономическим трудностям, что только усиливало тенденцию к их негативному социокультурному восприятию в стереотипе всех пожилых людей [Краснова, Лидерс, 2002, 82].

Существенные социокультурные изменения инициировали изменения всего гендерного стандарта во всех сферах жизнедеятельности. Однако в русской культуре продолжает доминировать однозначная ценностью маскулинной и фемининной моделей поведения. Эти модели являются дополнением друг друга с редкими моментами преобладания одной из них [Деркачева, 2011, 83].

В настоящее время от мужчины ждут того же, что и в прошлом, мужественности, силы, воли, нацеленности в будущее, пассионарности и т. п. В утилитарном смысле он продолжает оставаться главным человеком (главой семьи), способным содержать семью. Основная деятельность мужчины проходит вне дома, как правило, в профессиональной сфере, где он пытается реализовать свои основные качества. Существенные изменения в современных представлениях о маскулинности привели к недостатку позитивных мужских ролевых моделей. Сегодня мужчины слабо представляют, чего от них ожидают окружающие и, поэтому не могут соответствовать неопределенным ожиданиям. Более того, новый вариант мужественности требует учета ценностей, которые раньше считались женскими [Явон, 2012, 89].

Социокультурный анализ показывает, что самоуважение у мужчин всегда было выше, чем у женщин. Мужчины в этом случае получают некоторые преимущества, особенно, в социальном плане. Однако, помимо пользы, мужчины получают и негативные последствия, которые наглядно фокусируются, например, на здоровье в его чисто мужском аспекте. Так, обращаться к врачу противоречит мужской идеологии и приводит к запоздалой диагностике многих заболеваний [Кон, 2001, 565].

В современной России средняя продолжительность жизни растет медленно и составляет 70 лет (65 и 76 лет у мужчин и женщин соответственно). Такие темпы не могут удовлетворять наше общество (108 из 188 место в общем рейтинге стран) [Дергаева, 2013], особенно существенен разрыв между смертностью мужчин и женщин, что создает целую армию вдов, лишенных поддержки близкого человека. Поэтому выделение мужской и женской модели старения уже не представляется символическим действием.

Стереотипы, связанные со старением, являются своеобразной матрицей отношений, функционирование которой вызывает изменения самооценки и ожиданий конкретного стареющего человека [Краснова, www]. Мнения окружающих, наложенные на стереотипы, могут просто мешать стареющему человеку радоваться жизни. Когда он слышит, что менять свою жизнь уже поздно или нужно вести себя соответственно возрасту, – мотивируются

нежелание перемен и даже страх перед ними, как у самого пожилого человека, так и у его близкого окружения.

Следует констатировать, что отношение к старости и старению имеет неоднозначное понимание у различных категорий населения в России, а сложившиеся стереотипы старости не соответствуют современным реалиям.

Роль социокультурных стереотипов в индивидуальной модели старения

В современном мире основным лейтмотивом модели старости является преодоление возрастных последствий. Эта идея базируется на желании изменить человеческую жизнь путем манипулирования временем в свою пользу. В этом случае старость является таким отрезком времени, где движение силой человеческой воли осуществляется в любом направлении по линии будущее – прошлое, исходя из предпочтений человека. Эта своеобразная «машина времени» создает иллюзию повторного проживания. Однако современный мир жесток и не дает старости главного – будущего. Пока понимание феномена старости характеризуется эпитетами – свершившейся, реализованный, исчезающий по времени. И нет характеристик, направленных на годы вперед, а без этого сама жизнь теряет перспективу.

Такая индивидуальная модель старения типична для женщин Новой России, где их гендерный статус стал ассоциироваться с молодостью и красотой. Однако в старости изменений не избежать. При этом утрата преимуществ молодости, здоровья становится, нередко, трагедией для пожилого человека, а для женщин это важно всегда. Эти процессы, по нашему мнению, являются главным фактором непринятия старости. Нередко неприятие проявляется в различных формах борьбы с ней. Отдельные категории людей пытаются ее игнорировать, а небольшая часть даже бежать от нее.

У стареющих людей, нередко, возникает тяжелое состояние зависимости от более здоровых и молодых членов семьи, трудового коллектива, друзей и т. п. Постоянная нехватка физических сил для выполнения перспективных целей и даже простейших задач наделяет грядущую старость крайне негативным образом [Елисеева, 2008, 18]. Кроме того, принятое в официальной экономической и социальной политике такое понятие как «возраст дожития», вольно или невольно, но вполне образно отражает ущемленную позицию старшего поколения, что в совокупности влечет развитие ментальных изменений. Постоянное ощущение уязвимости, беспомощности, нередко, влечет за собой изменения личности. У пожилых людей может развиваться синдром «выученной беспомощности», сопровождающийся депрессивными состояниями – апатии, одиночества, безнадежности и т. п. Завершением этой деградации становится социокультурное исключение людей старшего поколения.

Для более глубокого понимания восприятия старости в понятие «социокультурное исключение», по нашему мнению, следует добавить еще один элемент – культурные стереотипы старости. Культурные стереотипы позволяют более четко разделить гендерные модели

старости. Так, например, у женщин в России не принято показывать свое желание выглядеть моложе фактических лет. Общество отрицательно относится к «молодящимся» женщинам, но приветствует «благородное» старение у мужской половины страны [Чистова, www].

В ходе интернет-опроса на вопрос: «Что вы думаете о старости?» большинство респондентов ответили, что хотят жить долго (34 % 70-80 лет, 57 % 80 и больше), но боятся дряхлости и старости (67 %), считая таковыми людей старше 70 лет (75 %), потерявших друзей и близких (26 %), а также ослабевших интеллектуально (41 %) и утративших внешнюю привлекательность (19 %). Большинство респондентов (71 %) считают, что человек должен работать после выхода на пенсию, если имеет возможность и желание. После выхода на пенсию 44 % хотели бы путешествовать, а 49 % хотелось бы заняться всем, на что не хватало времени раньше [Левченко, www].

Таким образом, наступление старости может приобрести позитивную окраску, нивелирующую факторы риска социокультурного исключения, если у старшего поколения с возрастом будут расширяться возможности по использованию социокультурного потенциала, накопленного ранее.

Перспективы реализации накопленного социокультурного потенциала в процессе старения

Старшее поколение, по отношению к другим возрастам, имеет ряд преимуществ, которые целесообразно рассматривать через категории «социокультурный потенциал» и «социокультурный капитал». Социокультурный потенциал пожилого возраста заключается в максимальном развитии его сущностных сил, заложенных природой и сформированных социумом, потенциалов в интеллектуальной, профессиональной, духовно-нравственной и физической сферах, что позволяет иметь более высокий творческий, квалификационный, ценностный и психосоматический статус в обществе. Это открытая социокультурная система, которая может быть реализована человеком только совместно с другими людьми и в обществе.

Социокультурный потенциал характеризует качество личности, а социокультурный капитал – количество накопленного, которое всегда преумножается при его потреблении. В реальном проявлении это могут быть ценности различных уровней (от личностных – до общечеловеческих), нормы (обычаи, ритуалы, традиции и др.), которые присущи конкретной группе людей. Естественно, чем выше такой капитал, тем более вероятно конструктивное сотрудничество в группе [Фукуяма, 2008].

Структуру социокультурного капитала человека определяют его потребности к обучению, передаче знания, в патриотизме и др. В этом подходе «социокультурный капитал» создается только посредством духовной компоненты. Однако его формирование предусматривает материальные затраты, например, на повышение квалификации, получение образо-

вания, организацию патриотического воспитания и т. д. [Нугаев, 2009, 7]. Поэтому, включая материальную составляющую человеческой деятельности в «социокультурный капитал», следует признать еще одно преимущество людей пожилого возраста, которое препятствует исключенности их из общественной жизни.

Несмотря на эти оптимистические утверждения, социокультурная исключенность пожилых людей в современной России является фактом повседневности и характеризуется внешними и внутренними составными частями. К внешним относятся: материальный уровень; профессиональная деятельность или трудоустройство; медицинское обслуживание; образовательные услуги; досуг, волонтерские программы; уличная и домашняя инфраструктура; уровень социальных контактов и др. К внутренним составляющим социокультурного исключения старшего поколения можно отнести: психологический настрой; состояние здоровья; социальную компетентность; социальный статус; общую культуру; мотивацию; активность и др. Все перечисленные внутренние и внешние параметры старения как следствие социальной исключенности имеют отрицательную тенденцию с возрастом. Научное сообщество давно бьется над выявлением путей профилактики этого явления. Пока предложено одно средство – жизненная активность [Деркачева, 2011].

Именно жизненная активность необходима для обеспечения приемлемого для общества и человека процесса старения. Только она способна включить социокультурный потенциал и задействовать социокультурный капитал старшего поколения. Ее не следует понимать только как простую активность – это, в первую очередь, общественная деятельность, основанная на потребностях постиндустриального общества.

Старость в России: ожидания и реальность

В современной России старение является рискованным периодом жизни. Причиной тому продолжает оставаться социокультурное исключение пожилых. В большинстве своем, эти процессы имеют естественно-исторические истоки, которые возникли в результате некоторых ошибок в управлении, и, в основном, типичны и закономерны как в нашей стране, так и в мире. Развитие цивилизации предопределило демографический переход, который резко меняет структуру общества в сторону роста доли людей, в нашем понимании, пожилого возраста, хотя значительная часть этого поколения мало чем отличается от последующего, а, нередко, превосходит его. Переходный период требует взвешенной социальной политики, базирующейся на смене возрастных ценностных ориентиров. Следует заметить, что культурные стереотипы и восприятие пожилых людей в нашей стране как социального балласта, значительно отстают от мировых стандартов старости. Это создает дополнительные проблемы и даже придает некий драматизм возрасту выхода на пенсию. Особенно, когда она назначается «по старости» еще не старому человеку. В этой статье не обсуждаются вопросы пенсионного обеспечения, но все же, отметим, что солидарное пенсионное обе-

спечение уже не соответствует требованиям, гарантирующим устойчивое развитие страны. Видимо, требуется не изменение времени назначения пенсии, а смена самих принципов ее формирования и использования.

Трудности настоящего времени российского государства и общества ставят вопросы о внутренних ресурсах, одним из главных, по нашему мнению, является социокультурный ресурс «третьего возраста». Однако власть пока его не видит, а возможности и преимущества этого возраста лежат на поверхности – это опыт и свободное время. Ресурс старшего поколения предлагается использовать крайне неразумно: есть свободное время – «занимайтесь собой», есть опыт – «помогайте семье». Такая модель старения могла бы прийтись по вкусу большому количеству стареющих россиян, судя по приведенному интернет-опросу. Однако следует признать ее утопизм в силу скромной экономической обеспеченности и других приоритетов наших пенсионеров. Воспитание внуков, помощь семье и детям, выполнение домашней работы – это, конечно, важная составляющая повседневности и такая модель старения также имеет своих приверженцев, особенно среди женщин, в силу специфики женской психологии. Однако в целом ожидания общества входят в противоречие с ожиданиями его членов, уходящих на пенсию. Вместе с тем есть надежда, что «в ближайшей перспективе информационный ресурс и особенно его носители – квалифицированные и активные люди будут предметом все возрастающего интереса со стороны власти и бизнеса» [Овсянников, 2014, 229]. В этом случае люди старшего поколения получают перспективу быть востребованными, и даже некоторые преимущества в силу своего опыта и квалификации.

Вместе с тем многое зависит от самих людей пожилого возраста – они должны будут своевременно реагировать на изменения внешней среды и меняться сами. Эти изменения коснутся физиологических, ценностных, мотивационных и других сфер жизнедеятельности. Возросшие возможности самореализации в ближайшем будущем позволят существенно сблизить желаемое, т. е., чем человек хотел стать, с действительностью и стать тем, кем мечтал быть. Это, в конечном итоге, приведет к удовлетворению своей жизнью.

В российском обществе неминуемо будет набирать обороты формат активной мобильной старости, что уже сейчас требует поддержки и популяризации позитивной модели старения со стороны государства и СМИ. Более того, создание и совершенствование технологий массовых коммуникаций, продвигающих идеи жизнелюбия и оптимизма, в частности жизнерадостного самочувствия, могло бы способствовать прогрессу личной и общественной жизни [Управителева, 2015, 96]. Особенно это актуально для стареющего человека.

Для пожилых людей особенно важно иметь свободу выбора. Естественно, что более приемлем тот образ жизни, который является продолжением прежней жизни. Следует учитывать то, что старость диктует свои правила и не существует единого рецепта решения ее проблем.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что старость в России имеет множество внешних и внутренних рисков. В основном социокультурные факторы являются источником рисков для пожилых людей. Современное общество, а не возраст, исключает старых людей из экономических, политических, культурных процессов. Заказ государства на социальный и культурный потенциал пожилых невелик. Основными детерминантами социокультурного исключения пожилого возраста является отсутствие внешних и внутренних условий для проявления жизненной активности. Только личные усилия самих людей пожилого возраста по сохранению и развитию духовного и физического здоровья способны изменить ситуацию и создать условия для благополучного старения как мужчин, так и женщин. Необходимо новое, позитивное прочтение и переопределение старения, с учетом увеличивающейся продолжительности жизни, новых условий труда, коммуникации, досуга, семейных отношений, способов самореализации.

Библиография

1. Дергаева А.Е. Профилактика социального исключения пожилых людей в современном российском обществе: автореферат дис. ... канд. социолог. наук. СПб., 2013. 19 с.
2. Деркачева Л.В. Специфика гендерной идентичности мужчин // Теория и практика гендерных исследований в мировой науке. Пенза – Махачкала – Ереван: Социосфера, 2011. С. 81-87.
3. Елисеева Ю.А. Возраст в культурном сознании: опыт системного моделирования. Саранск, 2008. 116 с.
4. Кон И.С. Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Введение в гендерные исследования. Харьков, СПб.: Алетейя, 2001. С. 562-605.
5. Краснова О.В. Порождение заблуждений: пожилые люди и старость. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/porozhdenie-zabluzhdeniy-pozhilye-lyudi-i-starost>
6. Краснова О.В., Лидерс А.Г. Социальная психология старения. М.: Академия, 2002. 288 с.
7. Левченко С. Когда наступает старость. URL: https://health.mail.ru/news/kogda_nastupaet_starost/?utm_campaign=341529&utm_medium=banner&utm_content=22141077&utm_source=mail.ru
8. Нугаев М.А. Базовая модель качества социального потенциала региона. Казань: Казанский государственный энергетический университет, 2009. 220 с.
9. Овсянников В.П. Россия и Запад в контексте глобальных перемен // Вестник НИИ Гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2014. № 2 (30). С. 224-231.
10. Управителяева Л.М. Оптимизм как предмет рекламы // Реклама и PR в России: современное состояние и перспективы развития. СПб.: СПбГУП, 2015. С. 94-98.
11. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. 730 с.

12. Чистова А.А. Как общество обижает женщин старше 50-ти лет. URL: <https://lady.mail.ru/article/488662-kak-obshhestvo-obizhaet-zhenshhin-starshe-50-let/>
13. Явон С.В. Жизненное самоопределение молодежи. М.: Московский гуманитарный университет, 2012. 170 с.

Gender socio-cultural models of aging in modern Russia

Natal'ya V. Ovsyannikova

PhD in History, Docent,
Associate Professor at the Department of socio-cultural activity,
Volga region state university of service,
445017, 4 Gagarina st., Togliatti, Russian Federation;
e-mail: tata_os00@mail.ru

Abstract

The article discusses some ideas about aging, its gender model, socio-cultural risk factors of elderly in modern Russia. The problem of old age is relevant not only for the elderly people but for the entire society, seeking to harmonize the natural processes of aging of the population with economic and social objectives in the conditions of demographic crisis. The objective of the work is to analyze the phenomenon of social and cultural exclusion in the process of aging. The paper applied cultural approach, revealing facts of culture in the form of rules or precedents. As a result of research the author concludes that the prosperous old age is one of the most important indicators of a civilized society and is characterized by the active participation of elderly people, not only in the preservation and development of the individual and his health, but also in socio-economic, political and cultural processes of modern society. However, most often, elderly people are afraid not of age, but of the related socio-cultural phenomena. Therefore, to create favorable conditions from the state and its individual institutions and personal contribution of each to the process of development, you need a new, positive reading and a redefinition of aging in view of the increasing life expectancy, changes in working conditions, communication, leisure, family relations, ways of self-realization.

For citation

Ovsyannikova N.V. (2016) Gendernye sotsiokul'turnye modeli stareniya v sovremennoi Rossii [Gender socio-cultural models of aging in modern Russia]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 4, pp. 74-84.

Keywords

Old age, aging models, stereotypes, socio-cultural exclusion, socio-cultural capital, socio-cultural potential, vitality, freedom of choice.

References

1. Chistova A.-A. *Kak obshchestvo obizhaet zhenshhin starshe 50-ti let* [The way society offends women older than 50 years]. Available at: <https://lady.mail.ru/article/488662-kak-obshchestvo-obizhaet-zhenshhin-starshe-50-let/> [Accessed 17/04/2016].
2. Dergaeva A.E. (2013) *Profilaktika sotsial'nogo isklyucheniya pozhilykh lyudei v sovremennom rossiiskom obshchestve. Doct. Diss. Abstract.* [Prevention of social exclusion of older people in modern Russian society. Doct. Diss. Abstract.]. Saint Petersburg.
3. Derkacheva L.V. (2011) Spetsifika gendernoi identichnosti muzhchin [Specificity of gender identity of men]. *Materialy II mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii "Teoriya i praktika gendernyh issledovanij v mirovoj nauke"* [Proc. II Int. Scient. Pract. Conf. "Theory and practice of gender studies in the world of science"]. Penza – Makhachkala – Yerevan, pp. 81-87.
4. Eliseeva Yu.A. (2008) *Vozrast v kul'turnom soznanii: opyt sistemnogo modelirovaniya* [Age in the cultural consciousness: experience of the system modeling]. Saransk.
5. Fukuyama F. (1996) *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity*. Free Press Paperbacks. (Russ. ed.: Fukuyama F. (2008) *Doverie: social'nye dobrodeteli i put' k procvetaniyu*. Moscow: AST Moskva Publ.).
6. Javon S.V. (2012) *Zhiznennoe samoopredelenie molodezhi* [Vital self-determination of youth]. Moscow.
7. Kon I.S. (2001) Muzhskie issledovaniya: menyayushchiesya muzhchiny v izmenyayushchemsya mire [Men's Studies: changing men in a changing world]. In: Zherebkina I.A. (ed.) *Vvedenie v gendernye issledovaniya* [Introduction to gender studies], part 1. Kharkov, St. Petersburg: Aletheia Publ., pp. 562-605.
8. Krasnova O.V. (2005) *Porozhdenie zabluzhdenij: pozhilye ljudi i starost'*. [Generation misconceptions: the elderly and old age]. Available at: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/porozhdenie-zabluzhdeniy-pozhilye-lyudi-i-starost/> [Accessed 14/03/2014].
9. Krasnova O.V., Liders A.G. (2002) *Sotsial'naya psikhologiya stareniya* [Social psychology of aging]. Moscow: Akademiya Publ.
10. Levchenko S. *Kogda nastupaet starost'* [When old age comes]. Available at: https://health.mail.ru/news/kogda_nastupaet_starost/?utm_campaign=341529&utm_medium=banner&utm_content=22141077&utm_source=mail.ru [Accessed 14/05/2016].
11. Nugaev M.A. (2009) *Bazovaya model' kachestva sotsial'nogo potentsiala regiona* [The basic model of quality in the region]. Kazan.

12. Ovsyannikov V.P. (2014) Rossiya i Zapad v kontekste global'nykh peremen [Russia and the West in the context of global changes]. *Vestnik NII Gumanitarnyh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordovija* [Bulletin of the Research institute of humanities of the Government of the Republic of Mordovia], 2 (30), pp. 224-231.
13. Upraviteleva L.M. (2015) Optimizm kak predmet reklamy [Optimism as the Subject of Advertising]. *Materialy XII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii "Reklama i PR v Rossii: sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitija"* [Mat., of XII All-Russian Sci. Pract. Conf., "Advertising and PR in Russia: Current State and Prospects of Development"]. St. Petersburg, pp. 94-98.